

Мила Коротич

12+

Жизнь на вкус

Vol.1

Мила Коротич
Жизнь на вкус. Vol.1

«ЛитРес: Самиздат»

2005

Коротич М.

Жизнь на вкус. Vol.1 / М. Коротич — «ЛитРес: Самиздат», 2005

Никогда не знаешь, кто с тобой рядом, кто он на самом деле и как повлияет на твою историю. Или ты - на его жизнь. Но то, что мы друг с другом связаны в этом мире - это точно. Да так, что ангелы нам завидуют. И раз году открывается Переход...Весь авторский гонорар за книгу идет в фонд детского хосписа "Дом с маяком".

Содержание

Пролог. Счет 0:0	5
Счет 1:0. Жизнь на вкус	7
Как оказалось – Счет 1:1	10
Счет 1:1. "Ничего особенного"	13
Конец ознакомительного фрагмента.	19

Мила Коротич

Жизнь на вкус. Vol.1

Весь авторский гонорар за книгу идет в фонд детского хосписа "Дом с маяком" <https://mayak.help/>

Пролог. Счет 0:0

Нас было трое за столиком: я, мой большой во всех отношениях друг, с которым у нас никогда не было того, в чем нас обычно все подозревают, и милый мальчик – лет двадцати на вид. Он тщательно скрывал свой возраст и при знакомстве сказал, что ему двадцать три и что он профессионально занимается фитнесом. На среднем пальце левой руки у него серебрилось кольцо с гравировкой в виде конопляных листьев.

Он перехватил мой взгляд и смутился, но, чтоб не показать виду, тут же спикировал:

– А ты что делаешь по жизни? – Он был очарователен.

Ответил мой друг:

– Она сочиняет истории, а я их воплощаю. В перформансах, например. Или в красках. Иногда в Интернете. Но бывает, что мы делаем все наоборот. Это интересно.

– Она рисует, а ты сочиняешь? Так вы вместе? – мальчик то ли разочаровался, то ли насторожился. Но он точно был удивлен, а может быть, и заинтересован. Уже попался?

Я одновременно почувствовала толчок ногой под столик и прикосновение к своей коленке. Мой друг напоминал, что юноша должен сам выбрать. Читай: "У тебя слишком низкое декольте, когда ты так сидишь". Если сегодня снова у нас ничего не получится, друг будет распекать меня за выбор платья. Мальчик давал понять, что он интересуется мной. Видимо, и правда, вырез соблазнительный. Кстати, не факт, что мальчишка не трогал сейчас также и колено друга: этот ночной клуб располагал к подобным приключениям: "Девочки-мальчики, танцуем!"

Таких заведений достаточно в каждом городе, а в столицах-то и просто полно. Темно, накурено, шумно так, что музыку не слышишь, а ощущаешь позвоночником. Ритм – во всем: в звуке, в свете, в движениях, в словах. Не говорить – кричать можно только короткими фразами. Наклоняешься к собеседнику. Чувствуешь слова и запах кожей. Теплое дыхание в ухо. Волоски на коже встают дыбом. Вскружить голову, наделать глупостей, разогреть кровь – легко! На раз-два-три! Ловушка. И все можно...

За этим сюда и приходят. Владельцы подобных клубов делают большие деньги на желаниях клиентов попробовать иной вкус жизни. Добавить перца. Выпустить пар. Погонять мурашки. Побаловать свою обезьяну.

Свет, звук, запах, дым, ритм, драйв, вкус «текилы с бедра» от красивой рыжей девушки в одних джинсах. Да, конечно, на ней еще был лифчик, но груди в нем было больше, чем ткани. Это работает. Это всегда работало. Рыжая профессионально приветливо улыбается, словно давно нас ждала и рада видеть. Наливает нам мексиканской водки в маленькие стопки. Мы легко ей верим и берем еще по одной. Лимоны и соль за счет заведения. Еще совсем рано, где-то около одиннадцати – вся ночь впереди. Но не у нас, нам до полуночи надо решить все вопросы. Милый мальчик, ты готов к сильному эффекту?

– Мы вдвоем. Но не вместе. В этом месте каждый сам по себе, – кричит мой друг и уходит на танцпол. Там гремит его любимый drop-and-dance. Всего две текилы, а его уже чуть пошатывает. Мальчик заинтригован. Я отвожу свою коленку в сторону.

– Он – дизайнер, а я журналист, – говорю-кричу я. На мне хорошие духи, я это знаю. Он тоже теперь это знает. – Может быть, стану писателем.

Знакомые слова, а может, кактусовая водка его успокоили. На коже выступил легкий румянец. Но он еще не выбрал, с кем из нас останется. Я рассматриваю его в упор из-по прямой черной челки. Не всем нравится такой взгляд, но запоминают его обычно все.

– О чем ты пишешь? – спрашивает он. Наивный в свои "двадцать три". Разве можно не банально ответить на такой вопрос.

– Сейчас – о снеге.

– А что можно написать о снеге?

– Это смотря что в нем видеть. Можно представить его как химическое соединение, а можно как перья робких ангелов. Тебе что интересней?

Он отодвинулся от меня и только через секунду позвал официантку. К бретельке фирменного лифчика у нее была приколата бирка "Лена". Я отрицательно качнула головой. Мальчик выпил один. Посмотрел на меня серьезно, мужским взглядом. Решил для себя, что я жду ответа. И правда, жду.

– Рок-н-ролл, – ответил он. – Рок-н-ролл и Тарантино. Вот что для меня интересней. Меня зовут... Саша.

Один-ноль. Есть контакт. Видимо, я тоже должна представиться. Может быть, но позже:

– Я буду звать тебя Sash, – сказала я, – как твою рубашку. – Поднялась и пошла танцевать. Обернулась у лестницы. Мальчик смотрел мне вслед. Снизу вверх. Значит, я не слишком его загрузила. Я придумала, как начну свою игру. "Тебе нравятся рыжие девушки? Например, такие как Лена? Официантка, что подала нам текилу. У нее завтра будет важный день..." Примерно так. Но пока я должна прервать дозволенные мне речи.

Следующий ход за моим большим другом...

Счет 1:0. Жизнь на вкус

В большой, хорошо знакомый город лучше всего приезжать ночью. В этом случае все становится необычным и новым. Знакомые и будничные предметы, незаметные днем, вдруг предстают в совершенно ином качестве, приобретают редкую значимость, пусть даже мнимую, а может быть, истинное лицо, не замечаемое в ярком дневном свете. Словно открываются у человека другие глаза.

Днем все внимание захватывают, оттягивают на себя люди. Или даже не люди, а тот шлейф забот, что тянется за каждым. Люди и их дела кишат вокруг. Их так много, что вскоре они уже надоедают своим присутствием. Появляется усталость, интерес сменяется апатией. Все раздражает всех.

Ночью виден сам город, его лицо и тело из улиц и зданий. Интересная штука происходит ночью: человек становится редким событием на улице. В темноте люди чувствуют себя неуверенно, робко и жмутся друг к другу. Пусть даже вокруг светло как днем и ночь прошита светом фонарей, но нет солнца, значит – темно. Ночью каждый прохожий – событие. Загадка, происшествие! Каждый становится интересным и опасным под темным небом ночного города. Каждый сияет, как драгоценный камень в куске руды.

Двадцать четвертого декабря ночь была желтой. Снег пошел, как только остановился поезд с востока. С Далекého Востока, прибыл на Ярославский вокзал.

На перроне уже переминались с ноги на ногу встречающие, истомленные ожиданием, придавленные ночным небом, убаюканные электрической темнотой, жмущиеся друг к другу. Кто-то курил, деланно безразлично глядя по сторонам, кто-то находился в состоянии временного ступора, кто-то беспокойно вглядывался в дальний конец перрона, откуда появился поезд. Ночное прибытие поезда людей не пугало, но и не радовало. В городе не бывает настоящей ночи. Все: и люди, и поезд, и снег – были здесь по делу. Все ждали. Все жались друг к другу, но не признавались в этом. Все кого-то ждали, но когда из вагона номер девять вышел мужчина в серой куртке и без багажа, никто из ожидавших на перроне не поспешил ему навстречу. Тогда к его ногам упали первые белые хлопья.

Человек улыбнулся им, надвинул поглубже вязаную шапку, засунул руки в карманы и пошел к метро, не отвечая на зазывные оклики таксующих шоферов. Снег устилал ему дорогу. Человек озяб.

Было еще не очень поздно, где-то около полуночи. В метро человек согрелся. Хмурые серые пятна – дежурные милиционеры – ни разу не остановили его, чтоб проверить документы. Хотя вполне могли бы, если бы захотели. Его внешность к тому располагала. Темные волосы, выбивавшиеся из-под шапки, смуглая кожа, короткая борода, синие глаза. Не славянский тип. Правда, выражение лица... Его трудно описать. Больше всего к нему подошло бы забытое слово "кроткое". Может, поэтому его и не останавливали. Человек знал, куда едет, и потому ехал, как хотел. Когда он вышел на одной из станций "зеленой" ветки метрополитена, снег старательно выбелил дорогу перед ним. Человек мягко ступил на небесное кружево.

До полуночи оставалось еще около получаса. Звезд не было видно – им не сравниться с электрическим светом неона. Снежные тучи то закрывали луну, то убегали в сторону центра Москвы. Ветер с запада пригонял все новые и новые, тяжелые, полные снега. Бледная луна казалась не к месту поставленным тусклым старым фонарем, нарушающим симметрию уличного освещения. Резко похолодало.

Половина двенадцатого – детское время для большого города, даже МакДоналдс еще работает. Светящиеся теплом витрины в такую погоду выглядят особенно привлекательно. Продрогший человек бесшумно вошел в маленькую кафе-кондитерскую, с большим стеклян-

ным окном в раме из рождественских лампочек. Первыми его заметили хрустальные колокольчики на двери.

На их голос обернулся сонный охранник – по виду ровесник вошедшего, только одетый в строгий костюм. Затем и девушка в форменном розовом платье подняла глаза на позднего посетителя. Розовое не слишком шло к рыжим волосам, но подчеркивало зелень глаз.

– Закрото, – буркнул охранник, преградив вошедшему дорогу своими серыми плечами. Он весь был серый: костюм, волосы, глаза. Цвет кожи тоже имел землистый оттенок – слишком много сигарет. Даже имя у него было соответствующее – Сергей.

– Мы до двенадцати работаем, – возразила розовая девушка у стойки.

– Уже без пятнадцати, – настаивал охранник.

– Только половина, – сопротивлялась официантка. В кафе пахло шоколадом и свежewe-мытыми полами. – Проходите, пожалуйста.

Сергей угрюмо посторонился. Человек прошел к буфетной стойке по блестящим плитам линолеума. Снял шапку. Расстегнул куртку. Присел на высокий барный стул. Положил озябшие руки на столешницу. Ни звука. Все движения – словно в воде. Ни шороха шагов, ни свиста молнии на куртке. Мужские кисти были наполовину скрыты вытянутыми рукавами джемпера домашней вязки, но виднелись красивые сильные пальцы. Официантка отметила это машинально, она не собиралась разглядывать вошедшего. Но так вышло, что больше в кафе смотреть в тот момент было не на что. Только потом девушка перевела взгляд выше, на лицо человека. Он смотрел на нее спокойно и по-доброму. "Не русский", – подумала девушка.

"Бомж, – подумал Сергей. Но сам себе не поверил. Бомжи по-другому пахнут. – Молодой бомж, – поправил он себя, но по-прежнему остался недоволен сравнением. – Понаехали тут". Вслух он буркнул:

– Сейчас натопчет, сама будешь мыть, – и вышел покурить.

– Ну не ты же, – огрызнулась в ответ девушка и положила перед посетителем меню, улыбаясь:

– Извините его, пожалуйста, он хороший, просто у него кризис среднего возраста. Что вы будете брать? – и сквозь улыбку зыркнула в сторону двери. Серега удивительно умел портить настроение.

– Присядьте со мной, – услышала официантка и повернула голову на звук. – Присядьте со мной, Лена, – донеслось из-под примятых черных волос. Посетитель говорил с ней.

– Этого нет в нашем меню, – засмеялась от такой фамильярности смущенная девушка, на белой коже румянец проступил мгновенно, а потом сообразила, что ее имя черными буквами отпечатано на бейджике. Чтоб скрыть смущение зашебетала:

– Хотите, я вам сделаю кофе по-ирландски, вмиг согреетесь. Или мокко – он у меня выходит замечательно.

Человек так и не открыл меню:

– Вы весь день на ногах, устали, а еще бежать на вторую смену. Ноги, наверное, гудят. Присядьте хоть на минутку.

Это была правда. Все до последнего слова. От удивления Лена даже не спросила, откуда человек знает про вторую смену в соседнем ночном клубе. Продавать "текилу с бедра" с двенадцати до трех ночи. Чтоб потом купить на свои бедра еще одни джинсы типа тех, которые ей выдавали в клубе бесплатно, как униформу. Глупость этой мысли почему-то раньше не ощущалась так ясно, так выпукло. А посидеть спокойно минутку и в голову не приходило. Но хотелось. "А фиг ли!" подумала она. И сделала это. Вот так, просто обошла буфетную стойку, вышла на территорию незнакомца, на ходу снимая белый передник, кинула его на витрину с пирожными и села на соседний стул. И почувствовала облегчение, скрестив ноги в серых кроссовках. Облегчение не только в ногах. Она даже засмеялась, как в детстве. И ничего плохого не случилось.

– Хорошо делать то, что хочется, когда это нужно? – спросил сидящий напротив.

– И не говорите, – засмеялась Лена. – Только редко можно себе это позволить. – Она поднесла палец к губам, задумалась мгновение. – Вы знаете, вы – первый человек в кафе, кто предложил мне сесть в конце смены. И это так... так в тему! – И снова засмеялась, но вспомнила о своих служебных обязанностях. – Так я вас таки слушаю, – ее мама была из Одессы.

– Кофе-гляссе, как вы любите. Две порции.

Лене не хотелось вставать, но...

– Я сам сделаю, если позволите.

"Меня уволят", – только и успела она подумать. Но две чашки ароматного напитка с пеной и айсбергами из мороженого уже были здесь. Она не заметила, чтобы он вставал. Ей было просто хорошо, хорошо сидеть рядом с этим странным приятным человеком. Лене было... как она могла определить свои чувства? Наверное, радостно. Большой бумажный стаканчик был у нее в руках. У мужчины на усах белело мороженное.

– Нужно заботиться друг о друге. Хотя бы во имя высшей справедливости, – он поднял стаканчик, предлагая тост.

– И делать то, что хочется! – ответила она, ей правда этого хотелось. Они чокнулись, а она с грустью почему-то подумала: "Надо проверить выручку в кассе".

Как оказалось – Счет 1:1

Спуститься по лестнице из стальных прутьев на зеркально-гладкий танцпол удалось без ущерба для своих ног. Жутко неудобные приспособления. Все сразу: и лестница, и прутья, и каблуки, и ноги. Сейчас самое неприятное – пробираться сквозь толпу, где все норвят тебя задеть и толкнуть потому, что ты им мешаешь. Танцевать, флиртовать, ревновать, существовать – вообще, ты чужак, лишний, свободный радикал. Не из их стаи. Вот если ты не одна, если у тебя своя компания – пусть даже там всего только еще один заморыш, но у вас одинаковое выражение лица – никто уже не тронет. Вы отдельно, у вас – свой мир, а чужие миры мало кого интересуют.

Ладно, лирику в сторону – на сегодня у меня четкая и ясная задача. Ставка – высокая, деньгами не измеришь. И я хочу выиграть! Я зацепила парнишку, нужно чтоб он не соскочил с крючка. Поддержать интерес да заодно понаблюдать, как поведет себя сей милый юноша. Тумба у пульта ди-джея вполне для этого подойдет. Высоковата правда, чтоб просто так взобраться для клубного танца. Зато оттуда отличный обзор – Sash виден как на ладони и просто так не исчезнет. А еще он будет видеть меня и постепенно заводиться. Очень удачно мы клуб выбрали в этот раз – один выход и тот у моих ног. Любитель рок-н-ролла и Тарантино, ты четко дал понять, в каком направлении двигаются твои мысли. Хочешь шоу – будет тебе шоу... ты сейчас калиф на час. Даже стихи получились. Правда, у тебя мозгов, наверное, не хватит, оценить каламбур. Повышенная практичность – болезнь поколения Интернета.

Дорогу преградил мой друг.

— Я знаю, что ты задумала, – кричит он. Удивил, я тоже знаю. – Это же не в твоих правилах. Ты скатишься до моего уровня, недотрога.

— Мы не имеем права пользоваться своими способностями, поэтому тебе нельзя читать мои мысли, – парирую я. – Это добавляет десять дней каторги. Чтоб тебе не скучать в одиночестве после проигрыша, я попрошу охрану оставить тебе пленку моим выступлением. И, к тому же, не тебе говорить мне о правилах.

Камеры скрытого наблюдения вмонтированы в потолок. Одна как раз напротив кабинки ди-джея.

Друг чуть не подавился смехом:

— Это ты называешь каторгой? – он развел руками, словно обнял всю окружающую какофонию.

— Мы уже сто раз об этом говорили, – я пытаюсь пройти, – к тому же ты и так знаешь мои мысли.

Разговор стал раздражать, но мой приятель крепко держит меня за рукав. До жирафа пока дойдет...

— Язва, – бурчит сквозь улыбку. – А ты на меня донеси. Расскажи, ты же – мастер рассказов.

— Бог не фраер, Он все и так видит. И пропусти меня, а то я позову охрану, – Я высвободила наконец руку. Манжет на платье почти не растянулся. – Следи лучше за мальчиком, а то и этот сбежит через туалет, как предыдущий. Я, кстати, уже знаю как его зовут и что ему нравится. Преимущество на моей стороне. А время идет... Слышишь? Тик-так, тик-так...

Из динамиков зазвучала новая тема. Где-то когда-то какой-то музыкант, чтоб скрыть свою бездарность, взял тиканье часов и сделал его ритмом своего опуса. Но сейчас это было "в тему" и мой друг внял разумным аргументам! Он подмигнул мне и двинулся к нашему столику. Умею я, все же, уговаривать. Ди-джей поставил откровенное техно. Смесь нот и скрежетов – воплощение современной городской культуры.

Я уже у тумбы. Она на самом деле оказалась еще выше, чем я думала. Можно взойти на нее только с площадки самого "короля вертушки". Без посторонней помощи не обойтись. Я раздумываю, обаять ли охрану и администрацию, чтоб законно пустили или идти на нарушение. Вдруг холодом пронизывает затылок и в голове звучит: "Подсадить?"

Не нужно оборачиваться, чтобы понять, кто стоит у меня за спиной. Я могу описать его по памяти. Он высокий и бледный. Такой высокий, что двухметровая тумба ему не ровня. Такой бледный, что его кожа отдает голубым в лучах дискотечного света. Ему приписывают свойство появляться неожиданно, но он-то как никто другой всегда приходит по графику. Просто те, к кому он приходит, не в курсе его расписания.

— Что ты здесь делаешь? – спрашиваю я. Но на самом деле знаю ответ: "То же, что и всегда. Работаю".

— То же что и всегда. Работаю. А ты?

— Кто бы мне объяснил, что я здесь делаю, – я много раз видела его, но до сих пор не могу оставаться спокойной, когда он стоит рядом. Холодная жесткая шершавая тумба, в которую я уперлась спиной, оцарапала кожу. Неприятное доказательство того, что все происходит в реальном мире.

— Все еще хочешь наверх? – вечно он не во время со своими вопросами.

— Ты же знаешь ответ. Ничего нет хорошего здесь внизу. Я очень хочу домой.

Он задумчив сегодня. Белые глаза словно ввалились глубже в гладкое лицо, похожее на череп. Он отвел их в сторону. Его взгляд задержался на железной лестнице. По ней взбиралась наверх уже нетрезвая компания: две почти одинаковые девицы и их кавалеры. Мода делает современных людей почти одинаковыми, различать личности порой можно только по цвету одежды. В 16 лет все стаями одеваются в юнисекс-стиле. В двадцать все делают стрижку с равными прядями и носят ее до тридцати. В сорок – решают быть элегантными, обрезают волосы и предпочитают трикотаж. В пятьдесят – опускают руки. Скучно. Эти четверо – ожившие картинки из журналов, – отдрожав свое на танцполе, смеясь, поднимаются выпить. Модно, но скучно. Я видела это не раз и не два.

В следующую секунду одна из двух веселенькая девица споткнулась, ударила головой о поручень и рассекла бровь. Думаю, для нее самой это было неожиданно. Ее крик потонул в технотиканье из динамиков. Что будет дальше? Пара швов, шрам на всю жизнь, старческое слабоумие в будущем. И никогда она не узнает, что ей изменил жизнь и лицо чей-то застывший взгляд. Бледный спутник просто так не приходит – стоило ожидать чего-то подобного. Члены ее стайки – друзья, ее проводят мимо нас. Ее лицо напоминает треснувший гранат.

Тяжелые черные капли крови мгновенно затираются вышколенным персоналом. Спорю на два пера из крыльев ангела – у дальнего бара никто и не заметил происшествия. Кто-то пьет, кто-то танцует, кто-то теряет, кто-то находит. Моя царапина саднит. Она – реальнее, чем только что увиденное.

— Мгновение назад девица порхала и веселилась, может, был повод, а может быть и просто так. Мечтала, строила планы на вечер, ночь, на завтра, на ближайшее время. "Ближайшее время" – у большинства людей другого и нет. И знаешь, они сами это выбирают. Знают о существовании перемен, им знакомы слова "вечность", "судьба", "предназначение", но это пустой звук. Смыслом они не наполнены. Странные существа люди. Даже с ближайшим временем не могут совладать. Не видят того, что есть вокруг, рядом, здесь, но хотят куда-то отсюда. Мне постоянно приходится выносить отработанный материал, в последнее время работы все больше... – он заглянул гладкими как речная галька, одноцветными как яичная скорлупа, ровными ледяными глазами в воронки моих зрачков. – Тебе их не бывает жалко?

Я никогда раньше не видела Смерть за решением философских вопросов жизни. По правилам это не его дело. Нет, почему мне должно быть жалко людей? Они на своем месте, в своем мире. А вот меня здесь ему не жалко? Внутри холодно от взгляда белых глаз.

— Ты – за ней? – я киваю на светлый проем двери, куда только что увели девицу.

— Я в уборную. Там у больного гепатитом парнишки передоз. Единственный сын у матери. В школе написал отличное сочинение на тему "Образ Катерины в трагедии Островского "Гроза". Основная мысль: человек сам палач своего счастья. Завтра планировал приступить к манифесту новых хиппи. Пойдешь со мной?

Нет уж, каждому – своя работа. Милая, конечно, история о времени, о крахе больших надежд. Я бы задумалась, если бы было время. Может быть, человечество и вправду что-то потеряло, но это не мое дело. Да и не бывает так, чтоб что-то ценное потерялось случайно и навсегда. Все наверху просчитано и расписано. Тысячи запасных вариантов. А за моим столиком двое уже пьют на брудершафт. Sash с интересом смотрит на моего друга. Вот это касается меня напрямую. Не до чужих историй сейчас. Пора взглянуть юноше за столиком в глаза и сделать ход:

— Извини, думаю, тебя там уже ждет, кому положено. Может, даже его муза еще не ушла. Эти штучки такие прилипчивые. Иди, а то будет неэстетично: пена, экскременты на кафеле. Брр!

Счет 1:1. "Ничего особенного"

Шторы вспухли от утреннего света, как вздуваются мозоли от новых туфель.

Леночка проснулась. Ей было светло спать, ныли мышцы, и не оставяло ощущение, что она в комнате не одна. Рыжие волосы спутались и прикрыли ей лицо, оттого свет не слишком больно резал глаза, но сон все равно не шел – попробуйте спать, если на вас кто-то пристально смотрит. Лена кожей спины почувствовала чей-то чужой взгляд.

«Это глупо», – в отчаянии подумала девушка. Быть глупой для нее всегда казалось отвратительным. Даже хуже, чем трусихой. Правда, просто открыть глаза и встать она так и не решилась. Было страшно. Рассуждения не помогли.

Тогда Лена решила пойти на хитрость. Замерла. Прислушалась. Дыхание – только свое. Посторонних звуков, шагов – никаких. Она чуть приоткрыла глаза и сквозь ресницы и свои рыжие кудри взглянула на суровый утренний мир комнаты. Никого. Но страх не проходил. Нужно было еще оглянуться назад, да так, чтоб этот неизвестный источник страха, чужой, не заподозрил, что она проснулась. Лена выждала несколько секунд, закрыла глаза для правдоподобия и перевернулась на другой бок. Снова застыла. Никакой реакции извне. Полежала еще несколько секунд для маскировки. Тишина. Снова чуть приподняла ресницы. И увидела! ...

Но тут же захлопнула веки от досады. Зеркало на тумбочке! А в нем ее собственная рыжесть. И фотография, где они с Сашкой в Сочи. Очень удачный снимок: и море, и солнце, и зелень, и белые колонны санатория – все, даже ее больничная пижама выглядели жизнерадостно. Юноша и девушка в разгар курортного романа. Глянули тогда прямо в объектив фотоаппарата – вот и получился взгляд в упор. Ни монстров, ни чужаков!

Фыркнув сама на себя, она решила еще поспать, почти успокоившись. Но вместо сладкой глубокой пучины сна ее сознание болталось поплавком на зыбкой поверхности между сном и явью. Это мучило не меньше, чем бессонница. Это изматывало, хотя должно было расслаблять. Из бултыханий в липкой жиже полусна Леночку вырвал звук.

Требовательно звонил мобильник.

Она вынырнула из сна, жадно схватила ртом воздух, но тут же пожалела, что проснулась – это всего лишь сработал таймер-будильник на телефоне. Она села на кровати, дотянулась до тумбочки и, отключив сигнал, бездумно уставилась в никуда. Никуда начиналось сразу за ее кожей. Горло сдавил знакомый с детства кашель, но она уже давно не придавала ему серьезного значения, просто откашливалась и все.

«Тело как чужое, словно меня грузовик вчера переехал. Не болят только волосы», – медленно просыпались ощущения в ее рыжей голове. «Вот так незаметно подкрадывается старость», – следующей проснулась самоирония. А третьим опять обнаружилось чувство беспокойства, словно кто-то за ней наблюдает. «Бред какой-то, – сама уже подумала девушка. – «Здравствуй, паранойя!» И на всякий случай резко обернулась назад. Конечно, там никого не было.

Рассердившись на себя, она резко дернула ящик прикроватной тумбочки. Разбуженные пузырьки в нем звякнули и заворчали. Но Ленка была сурова – с шумом разгребла их и безжалостно ухватила нужный. В пенициллиновой склянке насмешливо лежала одна маленькая желтая таблетка. «Да, утро началось удачно!» – отметила девушка и, проглотив последнюю таблетку валерьянки, отправилась в душ в чем была – в одних зеленых шелковых трусиках. По дороге она зарулила на кухню с намереньем поставить чайник. Глянула в окно и улыбнулась: за окном белыми пушинками летел снег.

Крупные хлопья падали на подоконник и налипали на раму. Их резные концы, как лапки насекомых, распластались на стекле. Снежинки прижимались к окну, словно заглядывали внутрь. «Вот кто на меня уставился!» – расплылась в улыбке Лена и сама прижалась лбом к

холодному стеклу. Взглянула вниз на своих тайных зрителей, одарив их улыбкой примадонны, глянула вверх, насколько это было возможно. Вместо неба – густая шевелящаяся паутина из белых снежных паучков. «Неба нет, – подумала Лена. – Неба. Net», – и поставила чайник на огонь.

Снежные наблюдатели все больше и больше наваливались на окно, с желанием лицезреть открывшееся шоу, а девушка, отметив этот успех про себя, откровенно повернулась к ним спиной и ушла в ванную деланно вихляющей походкой: «Я вас оставлю, господа!», – и с удовольствием заперлась в ванной.

Тревога исчезла, просто объяснившаяся присутствием белых заботливых трудяг-снежинок. Все трудяги, да и бездельники тоже, любят сладенькое. Даже если они снежинки. Надо же им как-то развлечься после трудового дня. Остатки страха девушка смыла под душем. Она даже замурлыкала какой-то мотивчик, растирая плечи, шею, живот. С грудью она обошлась особенно бережно. Из благодарности соски из упругих маленьких овалов цвета молочного шоколада стали мягкими и нежными кругами цвета какао.

«Ты родилась, чтоб работать в кондитерской, – сказал ей как-то Сашка, – тебя выдают соски». Она тогда рассмеялась и парировала: «А в тебе умер дегустатор!» – «Как это умер?!» – справедливо возмутился он тогда. Повелся, как маленький...

Но, в сущности, он был прав, ей нравилось быть среди кофе и десертов. Там она чувствовала себя на своем месте. Безупречные взбитые сливки, красноватая корица и темный шоколад, полупрозрачные яркие цукаты, молоко, ароматная пенка капучино и воздушные меренги в горячем какао. В детстве их всем классом после кино приводили в кафе, и пока мальчишки кривлялись и басили, строя из себя взрослых и крутых, пока девчонки, жеманясь, поедали пирожные и разглядывали взрослых женщин и их наряды, Леночка замирала у стеклянной витрины с пирожными и креманками, заполненными чудесами в сахарной пудре. Она глядела вниз на волшебные сладости, она смотрела вверх насколько могла, и через двойное стекло холодного шкафа видела, как какая-нибудь немолодая уже женщина-продавщица в белом накрахмаленном колпаке, похожем на сахарный кулич, запускала кофе-машину или кофемолку. Или наполняла металлические круглые вазочки на трех закругленных ножках ребристой тягучей массой мороженого, похожей на толстую веревку. И женщина-волшебница заплетала эту веревку в высокую башню одним движением руки, а сверху украшала тертым печеньем, воздушной шоколадной стружкой или поливала темно-синим брусничным сиропом. Сироп стекал с белых холодных склонов, превращая лакомство в настоящую снежную гору. Так Леночка представляла себе Гималаи, про которые учили в школе. А потом подходил какой-нибудь толстый ребенок и забирал эту красоту. Леночка с грустью провожала его взглядом своих голубых глаз. Ей не хотелось съесть это холодное чудо – она знала его вкус, – но ей жалко было видеть, как вся сладкая красота грубо разваливается широкой алюминиевой столовской ложкой, даже не замеченная. Но превращение темных камушков-зерен в горьковатый, густо пахнущий ароматный порошок в кофемолке снова возвращало ее к радостям жизни. Верещание мотора слушалось ею, как музыка. А все думали, что ей хочется сладкого, и прозвали ее «Семенова – обжора», правда, к ее скелетику это имя надолго не пристало...

От влажного воздуха в ванной легкие ее расправились и удушливый кашель отступил. Этот кашель сопровождал ее, сколько она себя помнила. Из-за него она мало знала своих родителей, зато легко ориентировалась во всех легочных санаториях «от Москвы до самых до окраин». И когда родителей не стало, она этого практически не ощутила, хотя ей исполнилось тогда всего пятнадцать. В одном таком санатории она и познакомилась с Сашкой.

Но сейчас Ленку не слишком трогали воспоминания. Ее гораздо больше взволновала резкая боль чуть ниже ягодицы. Там проявился кошмарный черно-синий синяк огромного размера. Он был болючий-болючий и ужасающе яркий на ее молочной коже.

И тут девушка сделала то, чего никто бы не сделал на ее месте: подпрыгнула от радости в мокрой ванне, сморщив личико и разбрызгивая вокруг тяжелые капли. «Ура! Накрылась моя вечерняя работа и сто баксов с ней! Ура! Ураураура!!!» Она пулей вылетела из ванны, завернулась в полотенце и с чувством глубокого облегчения прошлепала в комнату. Схватила свою «Моторолку», подарок Сашки, и села на край постели. Вызов сработал одним нажатием кнопки. На другом конце включилась голосовая почта. «Так даже легче!» – радостно отметила Лена.

– Саша. Привет! Как дела? Еще спишь? Извини. Я сегодня не приду. У меня уважительная причина – большой и страшный синяк на ляжке. Ничем не скроешь и не замажешь. Так что извини еще раз, – и бросила трубку.

Повинуясь порыву радости, схожему с чувством легкости от сброшенной ноши, Ленка повалилась на кровать, раскинув руки. И плевать, что волосы промочили подушку! Потом вскочила и распахнула шторы. Утренний свет вспорол их мягкость, словно врач, вскрывающий загноившуюся рану. Кремное небо влилось в комнату, а за ним открылись миллионы меренговых снежинок. Лене стало легче от света и неба. Еще недавно девушка почти ненавидела этих сладострастных белых зрителей, а сейчас радовалась каждому новому паучку – они падали на землю и им не было до нее никакого дела. Им нужно было работать – выбеливать землю, пряча скользкую наледь на дорогах. Делать то, для чего они созданы. Да здравствуют все синяки на свете и гололед!

Через полчаса Леночка Смирнова в черном пуховичке с седой опушкой под шиншиллу и удобных сапожках бежала по заснеженной улице на свою любимую работу. Вот куда она никак не хотела опаздывать или пропускать свою смену.

От вчерашнего гололеда осталось только воспоминание в виде бурой хлюпающей слякоти у троллейбусных остановок. Дворники поработали. Лене до метро было всего две остановки, и она решила пробежаться. Она чувствовала себя счастливой и свободной, вдыхая воздух вперемешку со снегом. Впереди у нее был новый день, полный любимой работы, и свободный вечер.

Разбросанная химическая соль прожигала темные пятна в кружеве снега на асфальте. «Как кляксы на промокашке или синяки на белой коже», – подумалось девушке. Черные пятна на белом асфальте бросались в глаза. Как по ступенькам, ее мысли от прогалин на тротуарах через синяк на собственной ноге перепрыгнули во вчерашний вечер. Вчера она получила свой синяк и приняла одно решение: попробовать делать то, что хочется самой. Только она очень устала и не додумала эту мысль, не решила, что конкретно ей хочется.

Леночка пробежала через пушистые уютные дворы, заснувшие в обильном декабрьском снегу, вышла у входа в метро. Снова ее неприятно поразил цвет снега на дороге. Еще белый и чистый во дворе дома, он словно истончался ближе к дороге. Его пропитывала серая вода, расплазаясь по белому снеговому телу, как раковая опухоль. Снег становился грязным. А потом и просто грязью. У спуска в метро снега уже не было совсем. Из слякотной, разложившейся снежной плоти торчал обглоданный тысячами ног голый асфальт. Ключки истерзанного снега, бесформенного, ноздреватого, грязного, лежали на ступеньках, ведущих вниз, и хватались за обувь прохожих, умаляя о внимании, помощи или хотя бы смерти. Люди брезгливо морщились и приподнимали края одежды, стараясь ступить на пустое место. Пожилая толстая женщина в форменной робе поверх грязно-синей куртки большой деревянной шваброй сталкивала бывший снег к щелям ливневой канализации.

Девушка вдруг до боли отчетливо ощутила себя снежинкой и оглянулась назад. Силуэты домов были нежно укутаны мягким белым снегом. У Леночки засосало под ложечкой, а горло сдавил сухой кашель, когда она опустила глаза к зияющему темнотой подземному входу. Вдохнув поглубже белый воздух, Леночка шагнула вниз, в метро. Ничего особенного, только синяк на левой ноге слегка побаливал при каждом шаге. Метро более всего располагает к воспоминаниям...

... Вчера ночью слякоть, бывшая некогда снегом, подмерзала у метро. Спуск вниз превратился в экстремальный аттракцион для запоздавших прохожих. Дул пронизывающий холодный ветер, принося с собой тяжелые тучи, беременные снегом. На улице как-то резко похолодало. Редкие прохожие кутались в свои одежды, пряча носы в шарфы по самые глаза. Среди них была и Лена Семенова. Она торопилась домой после очередной своей вечерней работы. Холодный ветер грубо толкался, как тот охранник, что выпроваживает поскорее с чужой вечеринки. Лена чувствовала себя уставшей, сонной и раздосадованной, но заснуть ей мешал каток под ногами. Она скользила по оледеневшему тротуару на своих модных широких каблук-копытцах, то и дело изгибаясь то вправо, то влево, чтоб сохранить равновесие. Чтобы не размахивать руками как мельница и не выглядеть глупо, Леночка поглубже засунула их в карманы куртки. Путь от клуба до метро занимал минут пятнадцать, но погода сделала его долгим и трудным. Видимо, не одной Семеновой приходили в голову мрачные мысли о мерзости бытия, так как все прохожие вокруг выглядели угрюмыми и спешили убраться с улицы. У самого метро дорога превратилась просто в каток. Лена вся подобралась и удвоила усилия, чтоб не поскользнуться. Больше ничего вокруг ее не интересовало, также как и всех.

Вдруг исчезла мужская широкая спина, маячившая перед Леночкой несколько секунд назад. Мужчина, бодро и самоуверенно обогнавший девушку, мгновение назад рухнул навзничь. Дорогая кожаная кепка его отлетела прямо к ногам девушки. Лена на секунду остолбенела у его изголовья. Потом протянула упавшему руку и поинтересовалась:

– С вами все в порядке?

Мужчина дико глянул на нее и попытался подняться, но руки и ноги его разъезжались на льду.

Прохожие огибали этих двоих, скользя по неудачникам равнодушным взглядом.

Лена помогла подняться мужчине, подала ему, отряхнув, его кепку и спросила еще раз:

– Вы в порядке? Может, вам помочь спуститься?

– Я в порядке, – растерянно ответил мужчина. Что-то в нем Лене показалось странным.

У него глаза были настолько светлыми, что, казалось, в них не было зрачков. Он сжимал в руках какую-то палку. "Плохо видит, наверное, – отметила про себя Лена, – потому и глаза странные". Она задержалась еще на мгновение, нерешительно переминаясь с ноги на ногу, но видя, что незнакомцу точно не нужна ее помощь, спустилась по лестнице в подземный переход. Через минуту она уже не думала ни о чем. Просто хотела спать.

Странный мужчина догнал ее у стеклянных дверей.

– Девушка, стойте! – прокричал он и схватил ее за рукав. Теперь она взглянула на него ошалело. Лена едва вспомнила, кто перед ней.

Тот, видимо, понял, что ведет себя необычно, и смущенно убрал руку, забормотав:

– Простите, что напугал... Я только хотел поблагодарить... – и полез в карман.

Девушка непонимающе смотрела на него, а потом подумала: "Денег что ли хочет дать?!"

– Да не за что. Ничего особенного... "Спасибо" вполне достаточно...

– Нет, вы не понимаете. Вы – такая... Настоящая! Это так редко встречается сейчас! – он продолжал шарить в карманах.

"Сцена затянулась, – подумала девушка. "Сейчас еще клеиться начнет... Как нестати" – Она оглянулась на проходящих мимо людей, и ей показалось, что все уже на них косятся. Лена попыталась отделаться от "благодарного спасенного":

– Всего доброго, – и дежурно улыбнувшись во все свои молодые тридцать два зуба, она попыталась нырнуть за стеклянные двери. Напрасно. Он снова схватил ее за рукав:

– Извините, но я спешу! – уже твердо высвободила руку Лена. По ее глазам читалось, что она настроена решительно.

– Вы не думайте, – мужчина, казалось, даже обиделся, – я просто хотел вас отблагодарить. Вот, – он протянул девушке черный картонный прямоугольничек. – Это визитка. Может быть, мы еще встретимся и я вам как-нибудь...

– Извините, но мне правда нужно спешить, – вырвалась-таки Леночка и рванула в метро. Она не услышала последних слов белоглазого мужчины с черной тростью. Подумала только про себя: "Еще чего не хватало..."

Удивительно, но турникет больно ударил ее по ноге, хотя она как всегда правильно встала карточку. Грохот разбудил дремавшую в своей будке женщину-контролера. Она захлопала круглыми глазами спросонья и стала похожа на волнистого попугайчика. Лена улыбнулась виновато, словно что-то сломала. Ей показалось, что странный мужик провожает ее взглядом и довольно улыбается. Но она твердо решила не оборачиваться и, преодолевая боль, как можно быстрее спустилась к платформе. В электричке она не думала ни о чем особенном. Ей хотелось спать...

... Теперь Лена с благодарностью вспоминала тот сломанный турникет – он обеспечил ей свободный вечер. Почему она сейчас подумала про вчерашний вечер? По двум причинам: во-первых, синяк побаливал, во-вторых, Лена наткнулась в кармане пуховика на кусочек картона, когда искала мелочь, чтоб купить в аптечном ларьке в переходе валерьянки. Это оказалась черная визитная карточка, которую ей вчера пытался всучить вчерашний знакомец. Девушка повертела в руках гладкий прямоугольник глубокого черного цвета. Выпуклые белые рельефные буквы, дорогое тиснение. Английский. "Cleaning. То, что вам действительно нужно". Ни адреса, ни телефона. Лена снова почувствовала на себе взгляд вчерашнего белоглазого незнакомца. "Странно", – подумала она. И карточка была странная, и человек, и то, что Леночка нашла ее в кармане, хотя точно не брала.

Но все теряло свое значение перед перспективой всласть поработать в любимой кондитерской! Ни о чем другом Леночка и думать не могла сейчас. Она автоматически сунула черную картонку в карман и забыла о ней. Даже не заметила, как вышла на поверхность. Улыбнулась: "Сапоги дороге знают!" – и с удовольствием подставила лицо навстречу пушистым перышкам снега.

Лена представила себя снежинкой – чистой, белой, воздушной, летящей. Полет – вот что она чувствовала, когда бежала в свою кондитерскую. Кофейного цвета окна-витрины сейчас еще были тусклыми: только новогодняя гирлянда по контуру лежала звездной дорожкой. Облепленные снегом стекла казались щедро обсыпанными сахарной пудрой. Черная ручка на двери – лакричный леденец... Ее кондитерская – ее пряничный домик. Как и положено, со всеми сладкими чудесами из детских сказок. Все, о чем мечтала "Семенова-обжора" в детстве. Там даже своя Баба-Яга была – заведующая. Она "чахла над золотом" после каждой смены и зыркала на проходящих детей так, словно готова была съесть их прямо сейчас, не дожидаясь, пока они растолстеют на ее сладостях.

Разница только в том, что теперь в этой сказке Семенова смотрела на сахарные чудеса с другой стороны витрины. Она работала в кондитерской. В той самой, в которую их водили еще в школе. Ничего особенного? А чем не воплощенная мечта?!

– Привет, малышка! Ты испортила мне утро, – снежинка рухнула в серую слякоть. У перехода стоял Сашка. Бордовым пятном своей куртки он прорезал снежный воздух. "Ты мне тоже", – хотела ответить Леночка. Но опустила глаза.

– Привет, Саша, – захлопала бывшая снежинка. Голос ее стал серым как химическая слякоть на тротуаре.

– Я не подвез вчера. Ты так быстро убежала, а мне нужно было закончить дела. Я хотел выспаться, но твой звонок меня перепугал. Я же не справлюсь без своей рыжей "зажигалки", ты самая успешная официантка в этом месяце в моем клубе, – снежинки таяли от этого хорошо поставленного баритона. Снежинка Лена тоже едва держалась. – И самая моя любимая. – Ее

физически тянуло к нему. – "Три "я" в первой же реплике", – вдруг заметила она про себя. А вслух сказала:

– Я упала вчера, было скользко. Заработала синяк. Буду выглядеть некрасиво. Не хочу тебя подводить, – она попыталась спастись словами, не поднимая глаз. "Оправдываюсь, как школьница в японском мультике".

Снег пошел гуще. Сашку стало хуже видно.

– Мне кажется, что ты просто меня морочишь...

Лене в этот момент захотелось, чтоб снежинки превратились в камни. Чтоб завалили его или ее. Чтоб выросла стена между ними. Чтоб ...

– Я выписал тебе премию, и твоя сотня в моем кармане. Хочу вручить тебе ее лично сегодня вечером, у меня. Извинения не принимаются, – он сделал еще один шаг к ней. Она подняла глаза. За его спиной падающий снег превратился в плотную белую стену, отрезая путь к теплеющей кондитерской. А сам Сашка стоял на мокром асфальте, попирая разгвазданную жижу бывшего снега. Его шузам было все равно на чем стоять. Снежинки, что падали у его ног, серели и исчезали в луже. "Грязь засасывает", – подумала Леночка, глядя на их трагический финал. Но ей на секунду показалось, что за спиной у парня снег плотнее, чем везде.

– Что? – не понял Сашка. – Что ты сказала?

Она и не заметила, что говорила. Но вдруг решила не молчать:

– Я сказала, что моя сотня в твоём кармане. Но не моя жизнь. Оставь деньги себе. А меня не трогай больше. Я устала. Я не хочу.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.